

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РЕЙПОЛЬСКІЙ.

(НАБРОСОКЪ).

Въ запискахъ Ф. О. Рейнгардта, напечатанныхъ въ Харьковскомъ Сборникѣ за 1887 г., упоминается объ Иванѣ Николаевичѣ Рейпольскомъ, какъ о человѣкѣ знаменитомъ по своей оригинальности.

Разсказанъ такой эпизодъ: Государь Николай Павловичъ, бывшій въ Харьковѣ 1852 года, между прочимъ, отправился въ больницу при первой гимназіи, остановился передъ одною кроватью, гдѣ на таблицѣ красовалась надпись: Febris intermittens, и спросилъ гимназиста.

— Чѣмъ ты боленъ?

— Рана на ногѣ, Ваше Императорское Величество.

— Отчего же на таблицѣ не выставлена настоящая болѣзнь, а другая? обратился Государь къ Рейпольскому, какъ доктору (когда-то бывшему профессоромъ).

— Э... это я, Ва... ше Импе... ра... торское Вели... чество доо... кла... дывалъ г. инспектору, чтобы перемѣнили, но не перемѣнили, — отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ, который всегда заикался, когда былъ взволнованъ.

— На гауптвахту его! вскричалъ Государь.

И Рейпольскаго посадили на три недѣли.

Меня живо заинтересовалъ этотъ человѣкъ. Я сталъ спрашивать о немъ у своихъ знакомыхъ и мнѣ удалось собрать кой-какія свѣдѣнія о харьковскомъ чудакѣ. За что купилъ, за то и продаю, впрочемъ съ оговоркой, съ ручательствомъ за свой товаръ, такъ какъ одинъ и тотъ же анекдотъ безъ всякихъ измѣненій, почти стереотипно, я слыхалъ отъ нѣсколькихъ лицъ.

Иванъ Николаевичъ Рейпольскій по наружности не представлялъ изъ себя рѣшительно ничего замѣчательнаго, но не было въ Харьковѣ человѣка, который бы не зналъ чудака-доктора.

Онъ лѣтомъ и зимой, въ нестерпимую жару и трескучіе морозы, до конца дней своихъ носилъ неизмѣнный фракъ-вицъ-мундиръ. Бывали зимы жестокія; поневолѣ всѣ кутались въ теплыя шубы, а Ивану Николаевичу самый лютѣйшій морозъ былъ нипочемъ. Докторъ закалилъ свою натуру. Говорятъ, онъ купался въ прорубяхъ, какъ это дѣлаетъ простанародье и теперь, послѣ водосвятія, въ Крещенье. Говорятъ, онъ раскрывалъ всѣ окна въ своей квартирѣ, когда у другихъ отъ стужи зубъ на зубъ не попадалъ. Бывало, послѣ сырой и ненастной погоды хватить морозъ, и сдѣлается въ городѣ гололедица; всѣ осторожно идутъ по тротуарамъ и спѣшатъ домой, а Иванъ Николаевичъ не пропуститъ ни одной лужицы, чтобы не „посколзаться“ на ней, какъ это дѣлаютъ мальчишки. За то Иванъ Николаевичъ отличался здоровьемъ: у старика даже румянецъ игралъ на щекахъ.

— Вы, докторъ, цвѣтете, какъ роза! сказала однажды какая-то дама Ивану Николаевичу, а онъ ей отвѣтилъ:

— Знаю, сударыня. И вы цвѣтете, какъ роза, только какъ желтая.

Именно: не жолтая, а желтая.

Всѣ такъ привыкли видѣть чудака въ его знаменитомъ вицъ-мундирѣ стариннаго покроя, съ длинными фалдочками, что отказывались вѣрить, когда Иванъ Николаевичъ разъ подалъ въ полицію заявленіе о пропажѣ у него шубы.

— Быть не можетъ, онъ шутитъ! сказалъ полиціймейстеръ и отправилъ для справокъ къ Рейпольскому сперва квартальнаго, а потомъ и самъ прикатилъ.

Но шуба дѣйствительно имѣла реальное бытіе, какъ выразился тотъ мой знакомый, который сообщилъ этотъ эпизодъ, и чуть-ли она потомъ не нашлась.

Я упомянулъ о томъ, что Рейпольскій купался и зимой. Про лѣто и говорить нечего. Каждый день, рано утромъ, онъ въ туфляхъ на босу ногу, съ непокрытой головой, но съ зеленымъ абажуромъ на лбу, отправлялся съ Нѣмецкой улицы черезъ Театральную площадь и Классическій переулокъ къ

рѣчкѣ, чтобы „омыть свое грѣшное тѣло“. Въ рукахъ Иванъ Николаевичъ несъ бережно кувшинъ, въ которомъ была губка и мыло, прикрытыя полотенцемъ.

Рейпольскій любилъ чистоту не только тѣлесную, но и душевную. Между прочимъ, рассказываютъ, что онъ, иногда бывая въ театрѣ, предупреждалъ дочь свою Лизу каждый разъ, когда на сценѣ пламенный любовникъ позволялъ себѣ объятіе, поцалуй или произносилъ страстные слова.

— Лиза, оборотись, ибо сіе непристойно! говорилъ Иванъ Николаевичъ.

— Это невозможно, докторъ, замѣчали иногда чудаку знакомые,—ваша дочь можетъ себѣ свернуть шею или скосить глаза.

— О, пусть Лиза будетъ кривошейная или косенькая, но за то сердце ея останется чистымъ. Сіе приличествуетъ дѣвицѣ! отвѣчалъ Рейпольскій.

Кстати: мѣстоименіе сей, сіа, сіе было любимымъ словомъ Ивана Николаевича. И когда въ русскомъ литературномъ обществѣ загорѣлась война противъ „сихъ и оныхъ“, когда молодежь требовала правъ гражданствъ для „этихъ и тѣхъ“, когда много было изломано копій и зазубрено мечей враждебными лагерями,—тогда Иванъ Николаевичъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за журнальной свалкой, въ которой если не лились потоки крови, то во всякомъ случаѣ текли ручьи чернилъ. Извѣстно, что Пушкинъ, на зло врагамъ, сталъ чаще украшать свои произведенія „сими“, какъ только „сіи“ подверглись гоненію. Это обстоятельство породило кучу восторговъ въ душѣ Ивана Николаевича. Разъ онъ въ одномъ многочисленномъ обществѣ, лишь только коснулось жгучаго вопроса: кто одолѣетъ, сей или этотъ?—всталъ и сказалъ свои пророческія слова: Государи мои! десятки лѣтъ, а то и цѣлая сотня умчатся въ вѣчность, а реченія: „сей и оный“ будутъ жить, и нѣкоторые ихъ полюбятъ.

Что-жъ? не ошибся Иванъ Николаевичъ, предсказаніе его сбылось.

Въ этотъ вечеръ, когда чудакъ былъ пророкомъ, онъ пришелъ домой, торжествуя свою побѣду. На глаза попался сынъ его Алексѣй.

— Какъ тебя зовутъ, сынъ мой?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Какой-ты Алексѣй, ты прежде звался Алексѣй, а нынѣ сталъ ты — Алек-этотъ.

Чудакъ до самой смерти именовалъ сына „Алек-этотъ“ какъ бы наглядно показывая всю нелѣпость слова *этотъ* и иронизируя надъ врагами „сихъ и оныхъ“.

Пуризмъ въ языкѣ доводилъ Ивана Николаевича до смѣшныхъ крайностей. Онъ сильнѣе, чѣмъ знаменитый Шишковъ, ненавидѣлъ иностранныя слова. Вотъ небольшой, но достовѣрный лексиконъ переводныхъ выраженій Рейпольскаго:

Туфли—шлепанцы.

Философія—любомудріе.

Зонтикъ—дождевикъ или солнцевикъ, смотря по сезону.

Калоши—мокроступы.

Губернаторъ—кормчій.

Губернаторша—кормчая.

Студентъ—филологъ третьяго курса Харьковскаго университета—заниматель-словесникъ третьяго бѣга Харьковской всеобщины.

Онъ игралъ на билліардѣ и кіемъ ударилъ маркера—онъ игралъ на шарокатицѣ и шаропѣхомъ ударилъ шаросчетчика.

Въ послѣднемъ случаѣ, по недоразумѣнію, даже старославянское кій *) попало въ число чуждыхъ словъ и вылилось въ форму „шаропѣхъ“. Что значитъ увлеченіе!

Еще была одна крайность у Ивана Николаевича: онъ всѣми силами души своей ненавидѣлъ Наполеона перваго. Портретъ Бонапарта висѣлъ въ прихожей, внизъ головой. Каждый разъ, какъ случалось доктору проходить черезъ переднюю, онъ плевалъ въ Наполеона съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ.

Знакомствъ у чудака было много, и практика была порядочная. Какъ доктора, его очень любили гимназисты казеннокоштные, потому что, когда они болѣли, Иванъ Николаевичъ, хорошо зная, какъ ихъ кормятъ, прописывалъ для излѣченія лучшія въ мірѣ лѣкарства:—вкусный борщъ, да побольше; битки изъ свѣжаго мяса, да побольше; а на третье французскаго черносливу, да побольше.

*) Прим. Кій билліардный есть одѣтое въ форму русс. кій; кій, палка съ утолщеніемъ на концѣ, заимствованіе: фр. queue, англ. kew, sue, билліардный кій. А. П.

За такіе рецепты нельзя было не любить Рейпольскаго.

Вообще, докторъ нашъ рѣдко прибѣгалъ къ латинской кухнѣ. Такъ, напимѣръ, отъ лихорадки онъ совѣтовалъ только:

— Не ѣсть гусятины, индюшатины, утятины, тетереватины, телятины и поросятины!

И больной могъ рассчитывать на выздоровленіе.

Однажды пригласили Рейпольскаго къ барынѣ, у которой захворалъ ребенокъ.

Явился Иванъ Николаевичъ и прямо въ дѣтскую. Ребенокъ спалъ въ креслѣ.

— Отчего, сударня, дитя не въ люлькѣ? спросилъ чужакъ.

— Я читала, докторъ, и слыхала отъ другихъ, что если качать ребенка, то онъ вырастетъ глухимъ.

— То-то, сударня, и видно, что васъ много качали въ дѣтствѣ! огрызнулся Иванъ Николаевичъ и подошелъ къ ребенку.

За словомъ въ карманъ не лазилъ Рейпольскій, и его находчивые отвѣты часто ставили въ тупикъ тѣхъ, кто хотѣлъ посмѣяться надъ чужакомъ.

Когда, по приказанію Николая Павловича, посадили Ивана Николаевича на гауптвахту, за рѣшетчатые окна, то одинъ изъ проходящихъ сказалъ:

— Эге! что это съ вами случилось, докторъ?

— Да! нынѣ времена такія, что львы за рѣшетками сидятъ, а ослы на свободѣ гуляютъ! отвѣтилъ съ достоинствомъ Иванъ Николаевичъ.

Такія язвительныя шутки прощались Рейпольскому и быстро разносились по всему городу. Вотъ еще одинъ анекдотъ. Иванъ Николаевичъ былъ въ соборѣ, гдѣ хоръ прекрасно исполнялъ трудный концертъ. По дурной привычкѣ какой-то господинъ подпѣвалъ въ полголоса за хоромъ. Иванъ Николаевичъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Когда соловьи поютъ, вороны должны молчать!

Рейпольскій говорилъ на ѳ, гортанный звукъ г произносилъ, какъ латинское h; вообще придерживался малороссійскаго нарѣчія.

Вотъ все, что удалось мнѣ узнать про харьковскаго оригинала. Быть можетъ, въ воспоминаніяхъ старожилловъ сохра-

нилось много другихъ подробностей объ этомъ человѣкѣ, болѣе занимательныхъ и ярче рисующихъ (не съ одной только смѣшной стороны) чудака, но я рѣшился подѣлиться съ читателями и этой скромной коллекціей характерныхъ штриховъ, надѣясь вызвать болѣе обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ Иванѣ Николаевичѣ Рейпольскомъ.

М. П. Савиновъ.